

Цзи Саньмэй настолько увлёкся созерцанием тонких, холодноватых губ Шэнь Фаши, что не заметил, как рука того дрожала, когда он задавал вопрос.

Не дождавшись ответа, Шэнь Фаши нервно облизал губы, и Цзи Саньмэй поклялся бы, что увидел мелькнувший кончик языка. Этот маленький кусочек плоти выглядел настолько соблазнительно, что Цзи Саньмэй захотелось вежливо возбудиться.

Однако, опустив взгляд на свои ещё не сформировавшиеся части тела, он с трудом отказался от этой идеи.

Шэнь Фаши повторил:

— Как тебя зовут?

Ранее, в суматохе, мальчик с родинкой выкрикнул его имя, и Цзи Саньмэй был уверен, что Шэнь Фаши слышал это, поэтому не собирался лгать.

Он встретил взгляд Шэнь Фаши и отчеканил:

— Цзи Саньмэй.

— Как пишется?

Цзи Саньмэй оживился, открыто взял руку Шэнь Фаши и медленно, тщательно вывел своё имя на его ладони тонкими пальцами, будто надеясь, что те проберутся под одежду.

Шэнь Фаши не привык к такому контакту, но сдержался. Особенно когда увидел, как иероглифы «Цзи Саньмэй» постепенно проявляются на его ладони, он перестал сопротивляться.

Он почти жадно смотрел на маленький завиток волос на затылке мальчика, а колокольчик на его магическом посохе звенел, словно не в силах успокоиться.

Закончив, Цзи Саньмэй неохотно отпустил руку.

Шэнь Фаши сжал правую ладонь, словно желая навеки впечатать в неё следы этих трёх иероглифов, скрыть их от чужих глаз:

— Откуда ты родом?

Цзи Саньмэй, не моргнув, ответил:

— Изначально из Биньци.

Магический посох выпал из рук Шэнь Фаши.

Он присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с мальчиком, и смотрел на него так, словно хотел вобрать в себя:

— ... Это ты?

— Он ли это?

— Он ли это, отринувший путь и принявший буддизм ради встречи в следующей жизни?

В глазах Шэнь Фаши горел огонь, от которого щёки Цзи Саньмэя запылали, но, немного подумав, он всё же решился.

В его глазах сгустилась дымка неведения, чистая и невинная, словно к ней нельзя было прикоснуться:

— Кем я должен быть?

Шэнь Фаши стиснул зубы, на скуле вздулась напряжённая жилка, его пальцы дрожали, издавая лёгкие щелчки, но он не решался схватить плечи мальчика, боясь передать ему свою боль.

Долго подбирая слова в уме, Шэнь Фаши наконец неохотно выдохнул:

— Мой... друг.

Цзи Саньмэй внутренне вздохнул.

... Друг. Как и всегда.

В прошлой жизни они были близкими друзьями, и он не хотел, чтобы в этой жизни всё начиналось заново.

Тем более... теперь он был в теле семилетнего ребёнка.

Как ни смешно, в глазах мира он, Цзи Саньмэй, мог в одиночку помочь Чжуинь поглотить Лунган, когда-то равный по силе, и вознести Чжуинь в звание первой бессмертной школы на континенте, что делало его мастером манипуляций, способным с лёгкостью достать звёзды с неба.

Но насколько Цзи Саньмэй был неуверен в себе, знал только он сам.

... Особенно перед Шэнь Фаши он часто чувствовал себя не в своей тарелке.

Поэтому, пока не достигнет подходящего возраста, Цзи Саньмэй не осмеливался раскрывать свою личность.

Не получив ответа, Шэнь Фаши невольно повысил голос, вокруг него закрутились крошечные вихри духовной энергии, и ярость, исходящая от него, заставила хозяина невольничьего рынка отступить на несколько шагов:

— ... Если ты не он, почему ты из Биньци? Если ты не он, почему у тебя такое же имя?!

Цзи Саньмэй тронул уголок губ, и ложь полилась сама собой:

— Не знаю. Это имя мне дал отец.

— Кто твой отец?

Цзи Саньмэй выпалил:

— Цзи Лючэнь.

Шэнь Фаши: ...

С момента перерождения Цзи Саньмэй часто вспоминал своего послушного младшего брата. Они были близнецами, выросли вместе, и брат всегда слушался его, был предан и привязан, как домашний волчонок.

Если бы он погиб насильственной смертью, этот парень точно назвал бы своего потомка в его честь, чтобы помнить его всегда и везде.

Шэнь Фаши никак не ожидал такого ответа и не смог скрыть изумления:

— Цзи Лючэнь... женился? Почему я никогда об этом не слышал?

Этот встречный вопрос озадачил и Цзи Саньмэя.

... Неужели Лючэнь всё ещё не женат?

Но для Цзи Саньмэя нет ничего проще, чем говорить неправду с уверенностью. Он ловко ушёл от ответа:

— В четыре года меня похитили и привезли в Юньян. С тех пор я отца не видел. ... Он сказал мне, что я из Биньци, и это имя он мне дал.

Это звучало так убедительно, что даже хозяин невольничьего рынка на мгновение забыл, что Цзи Саньмэй родился в рабовладельческом логове.

Цзи Саньмэй намеренно имитировал детскую речь, его слова были немного путаными, что звучало ещё правдоподобнее. Шэнь Фаши, похоже, поверил, опустил голову и уставился на упавший посох.

Внезапно, без предисловий, он произнёс:

— Ты лжёшь.

Сердце Цзи Саньмэя сжалось, но прежде чем он успел отреагировать, Шэнь Фаши крепко обнял его.

Из его уст вырвался звук, казавшийся невесомым, словно лёгкий ветерок мог унести его.

Шэнь Фаши повторил:

— ... Ты лжёшь.

Его голос был словно ряска на воде, и даже сам Шэнь Фаши едва слышал свои слова.

— Почему это не Цзи Саньмэй?

— Почему? Почему даже это имя больше не принадлежит ему?

— «Всё сущее подобно сну, иллюзии, пузырю, тени, росе или молнии, и должно восприниматься как таковое». Неужели мир столь жесток?

Когда Цзи Саньмэй уже готов был признаться, Шэнь Фаши пришёл в себя, отпустил его и быстро отвернулся, словно пытаясь что-то скрыть, его голос вновь обрёл лёгкую, почти безразличную интонацию:

— Я купил тебя. Ты идёшь со мной.

— Я слишком абсурден.

— Цзи Саньмэй мёртв, и в этом мире, в этом сне, больше не будет второго его.

Авторское примечание:

Цзи Саньмэй: Смотрите, это мой близкий друг. Красивый, длинноногий, с широкой грудью и тонкой талией, настоящая красота. Во всём мире нет никого лучше него, я создан для него, и он должен быть моим суженым.

Шэнь Фаши: ... Хм!

Повседневная жизнь обожающего мужа

Услышав слова Шэнь Фаши, Цзи Саньмэй решил, что больше не может молчать.

Он встал, закутанный в рясу:

— Дядя, вы знаете моего отца?

Слово «дядя» прозвучало у Цзи Саньмэя звонко и ясно, словно с подтекстом, но при вслушивании ничего особого в нём не было. Однако для Шэнь Фаши этот тон был пугающе знаком.

Прочитав про себя мантру успокоения, Шэнь Фаши собрался с силами и вновь посмотрел на мальчика.

Свет, зажжённый духовной энергией, окутывал людей лёгкой дымкой, и глаза Цзи Саньмэя, подобно чёрному жемчугу в белом серебре, были прекрасны и завораживали.

Однако, узнав, что это не тот человек, Шэнь Фаши больше не хотел любоваться видом и кратко ответил:

— Знаю.

Цзи Саньмэй:

— Можете отправить письмо моему отцу?

— Разумеется.

Не дожидаясь просьбы, Шэнь Фаши и сам собирался это сделать.

Цзи Саньмэй пристально смотрел на Шэнь Фаши, сжав губы.

За эти годы он написал множество писем от имени других людей, а также отправил бесчисленные послания своему брату в Чжуинь и Шэнь Фаши, чётко указывая своё местоположение, надеясь, что они придут за ним.

Увы, ответа не было, письма пропадали без следа.